

Абрахам Грэйс Меррит

Женщина-лиса

Абрахам Меррит
Женщина-лиса

«Автор»

1946

Меррит А. Г.

Женщина-лиса / А. Г. Меррит — «Автор», 1946

ISBN 978-5-457-21303-6

ISBN 978-5-457-21303-6

© Меррит А. Г., 1946

© Автор, 1946

Содержание

1	5
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Абрахам Меррит Женщина-лиса

1

Древние ступени вились по склону горы сквозь высокие сосны, над ними нависло терпение прошедших двадцати столетий. Душа тишины, древняя и терпеливая, как эти ступени, жила здесь. Ступени широкие, двадцать человек могут пройти по ним в ряд; коричневые и оранжевые лишайники образуют странные символы на их древних камнях, а изумрудный мох покрывает подушками. Иногда ступени поднимаются круто, иногда совсем полого, но всегда по обе стороны стоят плечом к зеленому плечу высокие сосны, настоженные, бдительные.

У подножия сосен изогнутые лавры и карликовые рододендроны, одинаковые по форма и одного роста – как коленопреклоненный человек. Их жесткие блестящие листья напоминают звенья кольчуги... они похожи на зеленых лучников Квеньяна, которые охраняют богиню, когда она выходит весной, чтобы разбудить деревья. Высокие сосны как настоженные часовые, лавры и карликовые рододендроны как склонившиеся лучники, и говорят они так ясно, будто у них есть язык: «Подняться ты можешь, спуститься тоже, но пройти через нас нельзя!»

Один из бастионов обогнула женщина. Она шла упрямо, склонив голову, как человек, который идет против сильного ветра, или как тот, у которого только воля заставляет двигаться неповинующееся тело. Белое плечо и одна грудь обнажены, на плече ссадина и кровь, четыре алые полосы, будто плечо схватила жестокая рука с длинными когтями. Женщина плачет.

Ступени стали круче. Женщина подняла голову и увидела, как круто они поднимаются. Она остановилась, руки ее беспомощно двигались.

Она повернулась, прислушиваясь. Казалось, она слушает каждой напряженной мышцей, все тело ее превратилось в натянутую струну, по которой пробегают быстрые арпеджио ужаса. В сумерках юнанных плоскогорий, как сквозь неосязаемый хрусталь, видны каштановые с медными прядями волосы женщины, прекрасное лицо, искаженное ужасом. Серые глаза смотрят на ступени, они как будто тоже не смотрят, а слушают...

Женщина беременна...

Они услышала за изгибом бастиона голоса, гортанные и монотонные, гневные и спорящие, приказывающие и протестующие. Услышала топот множества ног; идущие, казалось, колеблются, останавливаются, но продолжают неумолимо приближаться. Голоса и шаги ханг-худзе, разбойников, убивших ее мужа, Кенвуда и носильщиков какой-то час назад. Если бы не Кенвуд, они убили бы и ее. Но теперь они нашли ее след.

Она хотела умереть. Джин Мерредит отчаянно хотела умереть. Она верила, что после смерти соединится со своим милым мягким мужем, которого она так любила, хоть он и был вдвое старше ее. Если бы они убили ее быстро... Но она знала, что этого они не сделают. И не могла даже подумать о том, что ждет ее до прихода смерти. И у нее нет оружия, чтобы убить себя. А под сердцем у нее новая жизнь.

Но сильнее желания смерти, сильнее страха пытки, сильнее зова нерожденного ребенка что-то в ней призывало к мести. Не мести ханг-худзе – они всего лишь стая диких зверей и поступают так, как велит их природа. Мечь против тех, кто спустил их, кто направил. Потому что она знала, что это было сделано, хотя не могла бы сказать, откуда знает. Это быстрое убийство не было неожиданным и случайным. В этом она уверена.

Он как пульс, этот призыв к мести; пульс, ритм которого усиливается, заглушает горе и ужас, все сильнее бьется в ней. Как будто в ее душе забил с силой горький источник. Когда его темные волны поднимутся высоко, коснутся ее губ, они сможет напиться... и тогда к ней придет знание... она узнает, кто спланировал все это и почему. Но ей нужно время, время, чтобы пить эти воды, время узнать и отомстить. Она должна жить... ради мести...

Аз воздам, сказал Господь.

Как будто кто-то прошептал ей в уши древний текст. Она ударила себя в грудь сжатыми кулаками, холодными глазами без слез посмотрела в спокойное небо. И ответила:

– Ложь! Как и все, чему меня учили... Ты! Я покончила с Тобой! Месть! Тот, что даст мне отомстить, будет моим богом!

Голоса и шаги теперь слышались ближе. Странно, как медленно, как неохотно они приближаются. Как будто боятся. Она посмотрела на заросли у лестницы. Непроходимо; во всяком случае для нее. Если она попытается там спрятаться, они ее найдут. Она должна подниматься – выше по ступеням. Там, наверху, может быть какое-нибудь укрытие... может, святилище...

Да, она уверена: ханг-худзе боятся этих ступеней... они поднимаются так медленно, так нерешительно... спорят, возражают...

Она увидела впереди еще один поворот. Если она доберется до него раньше, чем они ее увидят, возможно, они за ней не последуют. Она начала подниматься...

В десяти шагах выше по лестнице сидела лиса, преграждая ей путь. Самка, лисица. С шелковистой красно-рыжей шкурой. Со странно широкой головой и раскосыми зелеными глазами. На голове пятно, серебристо-белое, в форме колеблющегося на ветру пламени свечи.

Стройная и грациозная лиса, подумала Джин Мередит, как изящная женщина. Безумная мысль пришла ей в голову, рожденная отчаянием и отказом от Бога, которого ее с детства учили считать всеблагим, всемудрым, всемогущим. Она протянула руки к лисе. Закричала ей:

– Сестра, ты женщина! Отведи меня в безопасность, чтобы я смогла отомстить... сестра!

Вспомните: она только что видела смерть своего мужа под ножами ханг-худзе, она ждала ребенка... кто знает, какие фантастические тропы нереальности могут возникнуть в таком состоянии?

Как будто поняв ее, лиса медленно спустилась по ступеням. И Джин снова подумала, что она похожа на изящную женщину. Лиса остановилась на расстоянии вытянутой руки, смотрела на Джин своими раскосыми зелеными глазами, яркими и блестящими, как драгоценный камень цвета зелени моря; никогда Джин не видела таких глаз у животных. В этом взгляде виднелась легкая насмешка, чуть заметная угроза. И когда взгляд лисы пробежал по окровавленным плечам Джин и опустился на ее большой живот, женщина могла поклясться, что увидела во взгляде человеческое понимание и жалость. Джин прошептала:

– Сестра, помоги мне!

Послышался внезапный взрыв гортанной речи. Они совсем близко, преследователи, сразу за поворотом, из-за которого она только что вышла. Скоро они увидят ее. Она стояла, с надеждой глядя на лису... она не знала, на что надеется.

Лиса скользнула мимо нее и, казалось, растаяла в кустах. Исчезла.

Черной отчаяние, отчаяние ребенка, который обнаружил, что тот, кому он верил, бросил его на растерзание зверям, сомкнулось над Джин Мередит. То, на что она надеялась, от чего ожидала помощи, было смутным и не поддавалось выражению. Чудо чуждого бога, теперь, когда она отказалась от своего? Или более глубокий импульс отразился в этом ее обращении к животному? Атавистическое пробуждение, антропоморфизм, восходящий к

незапамятному прошлому, когда человек считал зверей и птиц обладающими такими же душами, как он сам, только они ближе к природе, которая дала им мудрость больше человеческой; они слуги и посланники могучих божеств, почти боги сами.

И не так давно святой Франциск Ассизский говорил с животными и птицами, как с мужчинами и женщинами, называя их брат Волк и брат Орел. И разве святой Конан не крестил тюленей на Оркнейских островах, как крестил он язычников? Прошлые и все мысли людей прошлого снова рождаются в нас. И иногда странные двери открываются в сознании, и из них выходят странные духи. И кто может сказать, насколько они реальны?

Лиса, казалось, поняла ее, пообещала... что-то. И покинула ее, убежала! Всхлипывая, Джин снова стала подниматься по лестнице.

Слишком поздно. Ханг-худзе показались из-за поворота. Хор воющих звуков. С непристойными жестами, выкрикивая угрозы, они побежали к ней. Впереди, с лицом, изрытым оспинами, с ножом в руке, предводитель, полукровка-тибетец, тот самый, что первым ударил ножом ее мужа. Неспособная пошевелиться, не в силах даже закрыть глаза, Джин смотрела, как они приближаются. Предводитель заметил это, понял, отдал короткий приказ, и вся свора пошла шагом, насмехаясь над ней, продлевая ее мучение.

Они остановились! Что-то похожее на язык рыжего пламени мелькнуло на ступенях между ними и ею. Это лиса. Она стояла, спокойно разглядывая их. Надежда вернулась к Джин Мередит, растопила холодный ужас, от которого она оцепенела. К ней вернулась способность двигаться. Но она не пыталась бежать. Не хотела бежать. Крик о мести снова рвался из нее. Она чувствовала, что этот призыв достиг лисы.

Как будто услышав, лиса повернула голову и посмотрела на нее. Джин увидела, как сверкнули ее зеленые глаза, как, будто в улыбке, оскалились белые зубы.

Когда она отвела взгляд, чары, сдерживавшие ханг-худзе, спали. Предводитель достал пистолет и выстрелил в лису.

Джин Мередит увидела – или подумала, что видит – невероятное.

На месте лисы стояла женщина! Высокая и стройная, как молодая ива. Джин Мередит не видела ее лица, ей видны были только рыжие волосы, уложенные на маленькой красивой головке. Шелковое красно-рыжее платье, без рукавов, падало к ногам женщины. Женщина подняла руку и указала на предводителя. За ним его люди стояли молча, неподвижно, как только что Джин Мередит, и ей показалось, что их держит тот же ледяной ужас. Глаза их не отрывались от женщины.

Женщина опустила руку – медленно. И вслед за рукой опустился тибетец. Он встал на колени, потом на четвереньки. Смотрел ей в лицо, оскалив зубы, как собака, на губах его показалась пена. Потом он, как волк, набросился на своих людей. С воем прыгнул к ним, вцеплялся в горло, рвал зубами и ногтями. Они в гневе и страхе закричали. Пытались отбиться и не могли.

Блеснули ножи. Предводитель, дергаясь, лежал на ступенях. По-прежнему крича, не оглядываясь, его люди устремились вниз по лестнице и исчезли.

Джин Мередит закрыла лицо руками, потом опустила руки: на месте женщины стояла лиса, шелковистая, красно-рыжая. И смотрела на нее. Джин видела, как сверкнули зеленые глаза, словно в улыбке, обнажились зубы. Лиса изящно по ступеням направилась к ней.

Слабость охватила Джин; женщина согнула голову, опустилась на колени, закрыла глаза дрожащими руками. Она ощутила незнакомый аромат – беспокойный, пробуждающий странные беглые образы. Услышала низкий сладкий смех. Услышала, как мягкий голос прошептал:

– Сестра!

Она подняла голову. Над ней склонилось женское лицо. Изысканное лицо... раскосые глаза цвета морской зелени под широким белым лбом... красно-рыжие волосы спускаются

на лоб... серебристо-белая прядь, напоминающая по форме пламя свечи, колеблющееся на ветру... длинный, но изящный нос, ноздри слегка раздуваются... маленький рот, красный, как королевский коралл, в форме сердца, губы полные, древние.

На этом изысканном лице, как вуаль, легкая насмешка, слабая угроза, в нем мало человеческого. Руки белые, длинные и стройные. Они коснулись сердца Джин Мередит... успокаивая ее, укрепляя, прогоняя страх и горе.

Джин снова услышала голос, странный, со сливающимися звуками, слегка насмешливый, голос существа, которое понимает человеческие чувства, но само никогда их не испытывает и знает, насколько они неважны:

– Ты получишь свою месть, сестра!

Белые руки коснулись ее глаз... Джин забыла... забыла... больше она ничего не помнила, даже себя самое...

Джин Мередит казалось, что она лежит на чем-то мягком в мягкой, слепой тьме, безграничной, непроницаемой. Она ничего не помнила и знала только, что она это она. «Я это я», – подумала она. Тьма, в которой она лежит, мягкая, добрая. Она подумала: «Я нерожденный дух в чреве ночи». Но что такое ночь... и что такое дух? Она подумала: «Я довольна, я не хочу родиться вновь». Вновь? Это значит, что она уже рождалась... раньше... и тут в ее сознании всплыло слово: Джин. Она подумала: «Я Джин... но кто это Джин?»

Она услышала два голоса. Один женский, мягкий и сладкий, со сдерживаемой дрожью, как у натянутой струны. Она уже слышала этот голос... раньше, когда была Джин. Мужской голос низкий, полный спокойствия, человеческий... да, в нем есть что-то человеческое, чего нет в сладком голосе женщины. Она подумала: «Я Джин, я человек...»

Мужчина сказал:

– Скоро она должна проснуться. Прибой сна высок на берегу жизни. Он не должен накрыть жизнь.

Женщина ответила:

– Прибой подчиняется мне. И он начал убывать. Скоро она проснется.

Он спросил:

– Она будет помнить?

Женщина сказала:

– Да. Но страдать не будет. Как будто происшедшее случилось с кем-то другим. Ей будет жаль эту другую, но она как будто умерла вместе с ее мужем. Да так оно и есть. Эта умершая унесла с собой печаль, боль, горе. Никакого наследия не оставила – только память.

Тут ей показалось, что прошло какое-то время... хотя никакое время не может существовать в окутавшей ее темноте... да и что такое время?

Тишину нарушил задумчивый мужской голос

– Для нее, пока она жива, с памятью не может быть счастья.

Женщина рассмеялась, звонким насмешливым звоном:

– Счастье? Я считала, что ты достаточно мудр, чтобы не цепляться за эту иллюзию, священник. Я дала ей спокойствие, а это гораздо больше счастья. Да она и не просила счастья. Она просила мести. И получит ее.

Мужчина ответил:

– Но она не знает, кто...

Женщина прервала его:

– Знает. И я знаю. И ты знаешь, после того что вырвал из сознания тибетца, до того как он умер. А если все еще не веришь, поверишь, когда виновник придет – а он придет, чтобы убить ребенка.

Мужчина прошептал:

– Убить ребенка!

Голос женщины стал холодным, он не утратил сладости, но стал звучать угрожающе:

– Ребенок не должен достаться ему, священник. Не сейчас. Позже, когда ты получишь сигнал...

Снова в голосе ее послышалась насмешка...

– Я собираюсь совершить путешествие... я слишком долго жила среди этих холмов.

Пора посетить другие места... и я не хочу, чтобы опрометчивость спутала мои планы... –

Снова Джин Мередит услышала насмешливый смех. – Не бойся, священник. Они помогут тебе, мои сестры.

Он спокойно ответил:

– Я не боюсь.

Голос женщины стал мягким, вся насмешка исчезла из него. Она сказала:

– Я знаю это. У тебя хватило мужества и мудрости, чтобы открыть запретные двери.

Но меня держат тройные путы: обещание, клятва и желание. Когда наступит время, я дам больше... а пока я беспомощна, эти путы держат меня. Поэтому мне нужен ты, священник. Человек, который придет...

Голоса стихли. Тьма, внутри которой она лежала, медленно начала рассеиваться. Медленно, медленно она сменилась зеленоватой серостью. Она в отчаянии подумала: «Я должна родиться. Но я не хочу этого!» Свет безжалостно усиливался. Среди серости показался изумрудный круг. Он становился все ярче, ярче...

Она лежит на низкой постели, в гнезде из шелковых подушек. Рядом с ней огромный древний бронзовый сосуд, похожий на купель для крещения. Его гладили ладони тысячелетий, оставив глубокую патину, похожую на мягкие зеленоватые сумерки. Солнечный луч упал на сосуд, и там, куда он упал, патина засверкала, как крошечное солнце. На боках древнего сосуда странные геометрические рисунки, спирали и изгибы ли-вен – символ грома. Сосуд стоит на трех ножках, на треножнике... да ведь это древний обрядовый сосуд, купель династии Танг, которую Мартин привез из Юнани несколько лет назад... она дома... ей снилось, что она была в Китае и что Мартин... что Мартин...

Она резко села и через широко раскрытую дверь посмотрела в сад. Широкие ступени полого спускаются к овальному бассейну, на берегах его гибкие ивы опускают зеленые щупальца в голубую воду, глицинии с висящими цепями цветов, белых и светло-желтых, азалии, подобные языкам пламени. Розовые лилии лежат на груди бассейна. А в дальнем конце маленькая пагода, сказочная, покрытая разноцветной черепицей, и по обе стороны пагоды стройные кипарисы, как часовые... да ведь это же их сад, сад голубой пагоды, который Мартин скопировал с того места в Юнани, где живет его друг, старый мудрый священник...

Но что-то здесь не так. Горы не такие, как вокруг их ранчо. Конические, их ровные голые склоны из розового камня окружены деревьями... похожи на огромные каменные шляпы с зелеными полями...

Она повернулась и снова осмотрела комнату. Комната широкая и длинная, но насколько длинная, ей не видно, потому что солнце, влившееся в высокое окно и ударившее в древний сосуд, образовало непроницаемый занавес. Джин видела на потолке мощные балки, потемневшие от времени, со странными резными символами. Она видела слоновую кость и сверкающий лак. Низкий алтарь из зеленого гагата, странно изогнутый, на нем церемониальные предметы незнакомой формы, большой бронзовый кувшин, с крышкой в форме головы лисы...

Из тени за древним тангским сосудом показался человек. С ног до головы он одет в шелковое серебристо-голубое одеяние, на котором искусно, как паутиной, вышиты таоистские символы, а под ними, призрачно на серебряной груди, голова лисы. Человек лыс, лицо у него тяжелое, лишенное выражения, кожа гладкая и слегка желтоватая, как древний пер-

гамент. Ему можно дать и шестьдесят лет – и триста. Но глаза его приковали к себе Джин Мередит. Большие, черные, подвижные, поразительно живые. Молодые глаза, противоречащие лишенному возрасту тяжелому лицу. Лицо как будто маска, сквозь которую глядят эти глаза, сосредоточившие в себе всю жизнь. Это взгляд вливал в нее силу, спокойствие, уверенность, и все сомнения, все страхи, вся неясность исчезли из ее сознания. Впервые с момента нападения ее мозг стал ясным, хрустально чистым, мысли снова принадлежали только ей.

Она вспомнила, вспомнила все. Но все это как будто случилось с кем-то другим. Ей было жаль этого другого, но печали она не чувствовала. Она была спокойна. Черные молодые глаза вливали в нее спокойствие.

Она сказала:

– Я вас знаю. Вы Ю Чин, мудрый священник, которого любил мой муж. Это Храм Лис.

2

– Я Ю Чин, дочь моя. – Тот самый мужской голос, который она слышала из своего убежища во тьме.

Она попыталась встать, но снова опустилась на постель, побежденная слабостью.

Он сказал:

– Ночь и день, и еще ночь и часть дня ты спала, а теперь тебе нужно поесть. – По-английски он говорил медленно, будто не привык говорить на этом языке.

Он хлопнул в ладоши, и у зеленого сосуда сквозь столбы солнечного света скользнула женщина. Такая же лишенная возраста, как и он, с широким умным лицом и большими раскосыми черными глазами, добрыми, но и очень мудрыми. Халат покрывал ее от полной груди до колен, она была сильная, крепкая, смуглая, как будто вырезана из выдержанного дерева. В руках у нее поднос, на нем чашка с дымящейся похлебкой и овсяной хлеб.

Женщина села рядом с Джин Мередит, подняла ее голову, прислонила к своей полной груди и начала кормить, как ребенка. Джин увидела, что сама она обнажена, на ней только тонкая рубашка из мягкого голубого шелка, с серебристым символом лисы.

Священник кивнул, глаза его улыбались.

– Фьен-ви будет ухаживать за тобой. Скоро ты окрепнешь. Я вернусь. И мы поговорим.

Он вышел в широкие двери. Женщина до остатка скормила ей похлебку и хлеб. Потом ушла и вернулась с бронзовыми бутылками, в которых была горячая и холодная вода. Она раздела Джин, вымыла, вытерла, снова одела в свежую серебристо-голубую рубашку: одела на ноги сандалии, ушла. Трижды Джин принималась говорить с ней, но женщина только качала головой, отвечая на каким-то диалекте. Джин не понимала ни слова.

Солнце передвинулось с большой тангской купели. Джин лениво лежала в постели. Мозг ее был прозрачно ясен. Джин помнила все, через что прошла, но оставалась спокойной, невозмутимой, как лесной пруд, который отражает тучи, но чья поверхность остается неподвижной. Происшедшее казалось всего лишь отражением в сознании. Но под этой спокойной поверхностью скрывалось что-то безжалостное, алмазно твердое, что-то такое, что внушало бы боль и горечь, если бы Джин не знала, что это чувство будет удовлетворено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.